

ЕВРИПИД

АНДРОМАХА

Перевёл с древнегреческого Вланес

АНДРОМАХА

О, гордость Азии, мой славный город Фивы,
откуда я пришла с изысканным приданым,
блиставшим золотом, в господский дом Приама,
стать Гектору женой, детей родить герою!
Какую зависть все питали к Андромахе,
а ныне, как никто, погрязла я в несчастьях,
никто так не страдал и никогда не будет!
Ведь на моих глазах был Гектор мой Ахиллом
зарезан, и мой сын, подаренный супругу,
Астианакт родной, с высокой башни сброшен,
когда Троянский град обманом взяли греки!
Сама же я, дитя свободнейшего дома,
рабыней низкою приехала в Элладу,
островитянину дана, Неоптолему,
добычею за то, что он разграбил Трою.
Живу в долине, где Фарсалия и Фтия
травой сливаются и где жила с Пелеем,
подальше от людей, в замужестве, морская
Фетида. Этот край с почтением к богине
людьми Фессалии «Фетидион» зовётся.
Тут создал дом себе Ахиллов сын, позволив
Пелею-старикцу царить в земле Фарсальской,
из рук его живых брать скипетр не желая.
И мальчик был рождён для господина в доме,
когда Ахиллов сын со мною сочетался.
Ещё недавно я, в страданьях утопая,
жила надеждою, что сын мой возмужает
и что я в нём найду защиту от несчастий.
Когда же господин, спартанку Гермиону
введя женою в дом, отверг постель рабыни,
как эта женщина меня тиранить стала!
Твердит, что я её каким-то зельем тайным
бездетной сделала и мужу ненавистной,
что в этом доме я хозяйкой стать желаю,
её замужество искоренив жестоко!
Но мой супруг мне был и раньше неприятен,
теперь же стал чужим. Свидетель Зевс великий:
по принуждению я ложе с ним делила!
Её не убедить, мне смерть она готовит,
родителя призвав на помощь, Менелая,
который здесь живёт, для этого явившись
из Спарты. Я теперь, напугана ужасно,

пришла в Фетидин храм, соседствующий с домом,
и нахожусь внутри, молясь богине жарко,
поскольку и Пелей, и отпрыски Пелея
чтут храм как памятник союза с Нереидой.
Мой сын единственный отправлен мною тайно
в знакомую семью, подальше от злодеев.
Родитель мальчика не станет мне защитой
и сына не спасёт, поскольку он уехал
в страну дельфийскую за приступ свой прощенья
у Локсия просить, ведь он в Пифо́ являлся,
у Феба требуя за смерть отца возмездья,
теперь же силится вину свою загладить
и в будущем иметь благоволение бога.

СЛУЖАНКА

- О, госпожа моя! Нет, я не избегаю
тебя так называть. Достойным это имя
считала дома я, когда мы жили в Трое,
и муж твой был живым, и вас я так любила!
Я ныне с новостью к тебе пришла ужасной,
боясь, что кто-нибудь услышит из хозяев,
как жалко мне тебя. И Менелай враждебен,
и дочь его к тебе! Поберегись коварства!
- Ан. Подруга по ярму (теперь ты сорабыня
былой владычице, увязшей в злоключеньях)!
Что делают они? Плетут какие козни,
готовя гибель мне, совсем уже несчастной?
- Сл. Твой сын, страданица, отсюда уведённый
без ведома господ, погублен будет ими!
Из дома Менелай уже за ним поехал.
- Ан. Ах, горе! Он узнал, где прячется мой мальчик?
Но кто ему сказал? Вот и конец мне, бедной!
- Сл. Не знаю. Я от них про это услышала.
- Ан. Тогда погибла я! Два коршуна, сыночек,
тебя убьют сейчас, а тот, кого зовёшь ты
родителем своим, проводит время в Дельфах!
- Сл. Не думаю, что ты в таком была бы горе,
когда бы он был здесь. Друзей ты не имеешь.
- Ан. А нет известия, что к нам Пелей приедет?
- Сл. Пусть и приехал бы, но чем старик поможет?
- Ан. И, тем не менее, звала его не раз я!
- Сл. Неужто вестников друзьями ты считала?
- Ан. Отнюдь. Но, может быть, ты вестницею станешь?
- Сл. А как я объясню, зачем я отлучалась?
- Ан. Ты женщина. Найдёшь немало ухищрений.
- Сл. Опасно. Глаз не худ у нашей Гермiony.
- Ан. Вот видишь! Даже ты друзей в беде бросаешь!
- Сл. Нисколько! Ты меня не упрекай в подобном!
Поеду. Всё равно ничтожно прозябанье
рабыни. Что с того, что поймана я буду?

Ан. Давай же, поспеши! А я опять налягу
рыданьем, стонами, обильными слезами
на чистый небосвод. Не в женской ли природе
отраду получать от подступивших бедствий,
всегда их на губах, на языке имея?
Не об одной беде я плачу, а о многих:
о городе родном, о Гекторе убитом,
о варварской судьбе, с которой я сомкнулась
и в долгу рабскую обрушилась безвинно.
Из смертных никого не называй счастливым,
пока он не умрёт и на твоих глазах,
прожив последний день, не спустится под землю.

Нет, не невесту Парис в Илионе высоком, а гибель
к спальне прекрасной повёл, сделав Елену женой.
Троя, ты из-за неё от копья и меча пострадала,
взял тебя быстрый Арей, тысячный греческий флот.
Муж самой скорбной из жён, был мой Гектор вдоль стен илионских
за колесницей влеком сыном Фетиды морской.
В доме схватили меня и пригнали на берег песчаный,
мерзостной долей раба голову мне обвернув.
Слёзы ручьями текли по щекам, когда мной покидались
град мой, дворец и супруг, мёртвый, лежащий в пыли.
Горе мне, горе! Зачем я хочу ещё свет этот видеть,
став Гермione рабой? Мучима ею, пришла
статую эту молить, обхватила руками богиню,
плаваясь, струясь, как в скале полнотекущий поток.

ХОР

Женщина, ты, что сидишь на полу, в этом храме Фетиды,
и уйти не хочешь!
Хоть я и фтийка, пришла я помочь твоей крови азийской,
если мне удастся,
лекарство отыскать от бед неразрешимых,
вас ненавистной враждой с Гермioneю соединивших,
бедная, ведь в спальне
вы имеете общего мужа,
отпрыска Ахилла!

Знай свою долю, пойми, что за горе с тобою случилось!
Что же может сделать
дочь Илиона царям, свет увидевшим в Лакедемоне?
Пусть овец приносят
богине в храм, а ты покинь его! Что пользы
тело увечить своё, заливаясь слезами, страдая
от господской злобы?
Власть тебя сокрушит. Что же плакать
женщине ничтожной?

Храм Нереиды покинь, лучезарное место богини!

Знай: ты в край чужой пришла
иногородней рабой,
где из друзей своих не видишь никого ты,
самая несчастная,
бездольная из женщин!

Как я жалела тебя, привезённую из Илиона
в дом господ моих! Но я
в страхе молчанье храню
(хоть сострадание к твоей судьбе питаю),
чтобы дочь Зевсова
не знала, что я друг твой.

ГЕРМИОНА

Ни пламень золота, мне голову покрывший,
ни пеплос красочный, на мне сейчас надетый,
ни из Ахиллова не принесла я дома,
ни из Пелеева, когда сюда явилась,
но в Спарте доблестной, в стране Лакедемонской
отец мой, Менелай, все эти вещи дал мне
и многие дары. Язык мой, значит, волен
ответить вам теперь такими вот словами.
Добытая копьём ничтожная рабыня,
ты домом завладеть, изгнать меня желаешь.
Противна мужу я из-за твоих настоев
и чрево спит моё в бесплодии смертельном.
Да, души женские на вашем континенте
страшны, злокозненны. Но я тебя сломаю!
Не будет помощи тебе от Нереиды,
от храма с алтарём. Ты с жизнью распростишься!
Коль смертный или бог спасти тебя желает,
забудь о помыслах, положенных богатым,
на землю упади, прильни к моим коленам,
сама мети мой дом, журчанье Ахелоя
из златокованных разбрызгивай сосудов
и знай, где ты живёшь. Нет Гектора, нет злата
и нет Приама здесь! Ты в городе элладском!
Но ты, несчастная, настолько зачерствела,
что на постель твою допущен сын убийцы
супруга твоего, что ты врагам рождаешь
потомство. Таково всё варварское племя:
отец спит с дочерью, сын с матерью ложится,
а брат сестру берёт, родные друг на друга
с мечом кидаются, и нет на вас закона!
Здесь это не вводи. Нехорошо к тому же
с двумя супругами мужчине сочетаться.
Кипридой лишь одной довольствуется в спальне
кто хочет жизнь свою прожить не безобразно.
У каждой женщины в душе гнездится ревность
и злоба вечная к сожительнице мужа.

Хор

Ан.

Увы! Увы!

Как трудно молодых переносить нам, смертным,
таких неопытных, таких несправедливых!
Боюсь немало я, ведь я твоя рабыня,
что ты слова мои с их правдою отвергнешь,
боюсь и победить, накликав наказание,
поскольку гордецы превосходящий довод
приемлют с горечью, особенно от слабых,
но я в предательстве обличена не буду!
Скажи мне, девушка, какой весомый довод
меня подталкивал твой брак законный портить?
Что рядом с Фригией Лакония ничтожна?
Что я удачливей? Что, видишь ли, свободна?
Что молодость моя, пленительное тело,
величье родины, толпа друзей могучих
меня принудили на дом твой покуситься?
Что я взамен тебя детей рожать желаю,
рабов и спутников моей несчастной жизни?
И что детей моих на троне этой Фтии
потерпит ваш народ, коль ты родить не сможешь?
Что ради Гектора меня так любят греки?
Что я не знатная, не дочь царей фригийских?
Не из-за зелий ты супругу ненавистна,
но для замужества сама ты непригодна.
Вот зелье, женщина: не красотою тела,
но добродетелью супругу быть приятной.
Когда ты сердисься, то до небес возносишь
свою Лаконию, а Скирос принижаешь.
Живёшь, мол, с бедными, ведь Менелай знатнее
Ахилла. Оттого ты мужу и противна.
Супруге следует, живя с нижерождённым,
довольствоваться им, не мерясь гордыней.
А если б ты была во Фригии метельной
супругою царя, который делит ложе
то с этой, то с другой, женат один на многих,
ты всех убила бы? По-твоему, всех женщин
заботит лишь одно – как страсть свою насытить?
Ужасно! Женщины сильнее, чем мужчины,
болеют похотью, но мы таимся лучше.
Любимый Гектор мой, я и твоих любовниц
дарила дружбою, когда тебя Киприда
совсем сбивала с ног, я и внебрачным детям
давала грудь свою, храня наш дом от ссоры!
Я добродетелью влекла к себе супруга,
а ты на своего и капле поднебесной
упасть не разрешишь, всего-то ты боишься.
Не надо, женщина, тягаться в мужелюбстве
с твоею матерью. Благоразумным детям
пристало избегать пороков материнских.

Хор

Владычица моя, насколько сердце стерпит,

Гер. послушайся меня, достигни примиренья!
Чего кичишься ты, зачем со мною споришь?
Благоразумна ты, а я безумна, значит?

Ан. Благоразумия в словах твоих не видно.

Гер. Твой разум, женщина, да не живёт во мне!

Ан. Ты молода ещё и говоришь постыдно.

Гер. А ты, притворствуя, постыдно мне вредишь!

Ан. Зачем ты не молчишь на колкости Киприды?

Гер. Как? Разве женщинам не всех она важней?

Ан. Да,
лишь благодетельным. А прочим нет в ней пользы.

Гер. Но в нашем городе не варварский закон!

Ан. То, что постыдно здесь, и у других постыдно.

Гер. Умна не в меру ты. Готовься умирать!

Ан. Ты чуешь на себе взгляд каменной Фетиды?

Гер. Он город ваш клянёт, где был убит Ахилл!

Ан. Не я тому виной, а мать твоя, Елена!

Гер. Ты так и будешь мне все раны теревить?

Ан. Смотри, уже держу язык я за зубами!

Гер. Скажи мне лучше то, за чем явилась я!

Ан. Скажу, что должного в тебе ума не видно.

Гер. Уйдёшь из капища морского божества?

Ан. Уйду, но не на смерть. Иначе здесь останусь.

Гер. Всё будет кончено, пока тут мужа нет!

Ан. Не покорюсь тебе, пока он не приедет!

Гер. Вот подожгу тебя, нет жалости во мне...

Ан. Давай, запаливай! Богам всё будет видно!

Гер. ...к мучениям твоим, к мерцанию страшных ран!

Ан. Убей, багри алтарь! Тебе воздаст богиня!

Гер. Отродье варваров, твой закоснелый дух
так шутит гибелью? Но вскоре добровольно
покинуть этот храм заставлю я тебя,
приманку показав! О прочем умолчу я,
события тебе всё сами разъяснят.
Сиди же! Пусть тебя к богине припаяют
свинцом расплавленным, я выдерну тебя,
пока ещё в пути твой Ахиллид надёжный!

Ан. Надёжный... Странно то, что от ползучих тварей
лекарства сотворил для смертных некий бог,
но средства не нашёл от зла гораздо хуже
ехидны и огня – от женщины дурной,
таким вот бедствием приходимся мы людям!

Хор Многие беды случились, когда появился
в долине идейской
сын Майи и Зевса,
ведя, как в упряжи прекрасной,
трёх ослепительных богинь,
приготовленных к бою, на суд красоты ненавистный
в пастушьей хижине,

где юноша один ютился
у одинокого огня.

В горной лесистой долине омылись богини,
телами блистая,
водой легкоструйной
и на глазах у Приаида
обменивались ядом слов,
громоздя обещанья, но верх одержала Киприда
речами сладкими,
но гибельными для фригийцев
и башен Трои, павших в прах.

Если бы мать через голову бросила
мальчика на жребий злой,
чтоб он не выжил на горе Идейской,
в тяжкий час, когда рядом с божественным лавром
Кассандра призывала смерть
на губителя славного града Приаида!
За кем не шла она, какого из старейшин
не умоляла ребёнка убить?

Шеи троянок ярмо не сдавило бы
рабское и дома ты
ещё была бы, женщина, царевной,
и Эллада не знала бы тягот надрывных,
и не блуждали бы с копьём
десять лет молодые солдаты у Трои,
не пустовали бы семейные постели,
старость не знала бы доли сирот!

МЕНЕЛАЙ

Веду ребёнка я, которого ты втайне
от дочери моей отправила соседям.
Спасенья ты ждала от статуи вот этой,
а он – от чужаков. Умом ты, впрочем, вышла
слабее, женщина, чем этот Менелай!
И если ты алтарь в покое не оставишь,
то сына твоего, а не тебя прирежут!
Подумай хорошо, чьей смерти ты желаешь,
своей ли, детской ли, за мерзости твои,
мне с дочерью моей доставившие горя!

Ан. О, слава славная! Что за толпа ничтожеств,
тебя не стоящих, возвышена тобой!
Те, кто прославился по истинным заслугам,
и вправду счастливы. Притворщиков же я
не ставлю ни во что, и разум их случаен.
Да ты ли Троя взял, вождь эллинов отборных,
из рук Приамовых, с таким дешёвым духом?
Дочь желторотую послушав, весь раздулся,

напал на женщину, бездольную рабыню,
бросаешь вызов ей! Ты Трои недостоин,
а Троя для тебя и павшей неприступна!
Снаружи лишь блеснуть, вы, умники, горазды,
внутри же вас ничем от нас не отличить.
Богаты, правда, вы. Отсюда ваша сила.
Ну что же, Менелай, давай поговорим!
Допустим, дочь твоя расправилась со мною.
Но осквернения ведь ей не избежать,
и самого тебя за грязное убийство
осудят многие, ведь ты ей помогал.
А если я спасусь, достанет ли вам духа
зарезать мальчика? Вы мните, что отец
воспримет радостно насилие над сыном?
Его не трусом ведь троянский град зовёт.
Достойным будет он Пелея и Ахилла,
его родителя, когда он дочь твою
из дома выгонит! А жениху другому
что скажешь ты потом? Что от плохого мужа
ушла разумница? Ведь не поверит он.
Да кто возьмёт её? Старухой незамужней
с тобою будет жить? О, бедный человек,
не видишь разве ты водоворота бедствий?
Не лучше ль дочери терпеть измены мужа,
чем испытать всё то, о чём я говорю?
Зло малое давить не стоит злом огромным,
и если женщины – смертельная напасть,
мужчины не должны таким уподобляться.
Давай всё выясним. Сказала дочь твоя,
что я ей выкидыш устроила отравой.
По воле собственной, без всяких алтарей,
отправлюсь я на суд, и пусть там восседает
моим судьёй твой зять, ведь я не в меньшей мере
виновна перед ним, лишив его детей.
На этом и стою. Твоё же сердце зная,
боюсь я одного: огнём испепелил
ты из-за женщины несчастный град фригийцев.

Хор

Ты очень, милая, несдержанна с мужчиной,
<и раздражительность твой разум одолела,>
все стрелы мудрости небрежно расстреляв.

Мен.

Права ты, женщина. Всё мелко, недостойно
единовластного правителя Эллады.
Но знай, что человек, желаньем одержимый,
объект желаемый поставит выше Трои.
Вот я для дочери (нешуточное дело –
лишиться брачных уз) союзником и стал.
Все беды прочие для женщины вторичны,
но, мужа потеряв, она теряет жизнь.
Пускай командует моими он рабами,
а мне с моей семьёй рабы его даны.

Не существует ведь отдельного хозяйства
для истинных друзей, но всё у них одно.
Отсутствующих ждать и дел своих не делать
как можно выгодней – удел глупца и труса.
Вставай и покидай святилище богини,
ведь если ты умрёшь, твой сын избегнет смерти,
а не пойдёшь на смерть, так я его прикончу!
Обоим вам не жить. Один из вас погибнет.
Ан. Какой же горестный ты мне назначил жребий!
Оставшись среди живых, я в подлость упаду.
Пожертвовав собой, в несчастье ниспровергнусь.
Ты, горы движущий по крошечной причине!
Меня убить? За что? Чей град я предала?
А из детей твоих кого я умертвила?
Чей дом сожгла огнём? Неволей с господином
на ложе я легла. И ты меня зарежешь,
хоть он и виноват? Пренебрежешь причиной
и предпочтёшь теперь на следствие напасть?
Ох, горести мои! О, бедная отчизна!
Как страшно мучусь я! Зачем я родила
и скорбь удвоила, взвалив на бремя бремя?
Но что же я скорблю? Не лучше ль эту чашу
до капли осушить и жребий мой обдумать?
Скончался Гектор мой, влекомый колесницей,
плачевно Илион сгорел передо мною,
меня саму рабой за волосы тащили
к аргивским кораблям. Приехав же во Фтию,
убийцам Гектора я сделалась женою.
Чем жизнь мне так сладка? Каких я жду восторгов?
Сегодняшних удач, плодов ли дел вчерашних?
Одно лишь солнышко в моей сияет жизни,
но изверги хотят, чтоб и оно погасло.
Я сына вызволю моей душой несчастной!
Ему останется хоть малая надежда,
но вечный ждёт позор не спасшую ребёнка.
Смотри! От алтаря в твои ступаю руки!
Зарежь меня, забей, в тюрьму швырни, повесь!
Сыночек! Мать твоя, чтоб ты не видел смерти,
сама идёт в Аид! И если ты спасёшься,
то помни мать свою и как она страдала!
Отцу же расскажи, ему лицо целуя,
рыдая горестно, обняв его руками,
о подвиге моём! Вся жизнь людская в детях,
а кто их не имел и порицал имевших,
пусть меньше мучился, но счастлив был несчастно.

Хор Как больно слушать мне! Все люди сострадают
попавшим в бедствие, пусть даже незнакомым.
Послушай, Менелай! Ты помирил бы дочь
и эту женщину, довольно ей терзаться!

Мен. Схватить её! Живей! Рабы, вязать ей руки!

Теперь отведаешь речей не дружелюбных!
Попалась! Бросила святой алтарь богини!
Я выманил тебя, грозя убить ребёнка!
Теперь своей рукой тебя лишу я жизни!
Тебя вот это ждёт, иного и не думай!
Насчёт же мальчика пусть дочь моя решает,
зависят от неё и смерть его, и жизнь.
Пока же в дом иди! Ты будешь знать, рабыня,
как над свободными надменничать людьми!
Ан. Ты обманул меня! Завлёл меня коварством!
Мен. Труби об этом всем! Не стану отрицать.
Ан. Так упражняете вы ум свой у Эвроты?
Мен. Мы там, а в Трое – вы. Обиженные мстят.
Ан. Считаешь ты, в богах нет больше божьей правды?
Мен. Я правду вытерплю, тебя же умертвлю.
Ан. И птенчика убьёшь, мои раздвинув крылья?
Мен. Не я, а дочь моя. Захочет, так убьёт.
Ан. Ах, как же по тебе, сыночек мой, не плакать!
Мен. Его не твёрдая теперь надежда ждёт.
Ан. О, ненавистнейшее племя лиходеев,
спартанцы мерзкие, советники коварства,
властители неправд, строители несчастий,
гнилые, скользкие, всё козни вы плетёте,
так незаслуженно блаженствуя в Элладе!
Какой порок вам чужд? И чьей на вас нет крови?
Не жадность ли ваш бог, и не у вас ли вечно
одно на языке, а на уме другое?
Я проклинаю вас! Не так тяжка мне гибель,
как ты надеешься. Давно уж я скончалась,
когда разрушен был несчастный град фригийцев,
и мой герой погиб. Его копьём ты часто
из труса пешего в морского превращался!
Теперь ты женщину, такой свирепый воин,
пришёл убить. Давай! Вы лести не дождётесь,
ни ты, ни дочь твоя, из уст, готовых к смерти!
Ты в Спарте сделался великим человеком,
я в Трое им была. Со мной случилось горе,
но ты не возносишься. Кто знает, как ты кончишь.

Хор Я не могу хвалить супругов-двоеженцев,
детей от разных матерей,
в доме вражду они, раздоры сеют.
Пусть будет мой супруг одним доволен браком
и ложем для двоих, ни с кем не разделённым.

И также городу не лучше двух тиранов,
чем одного переносить,
бремя на бремени, мятеж в народе.
Когда же трудятся над гимном два поэта,
то Музы между них вражду охотно сеют.

Когда ярится шторм, швыряя мореходов,
два ума у руля, двое кормчих всеведущих
и мудрецов толпа не так сильны, как меньший,
всё в одиночку решающий ум.
Пусть будет в городе и доме
один правитель, если нужно
обрести удачу.

Вот и лакóнянка, дочь полководца греков,
Менелая, как пламя, объяла соперницу,
желая умертвить несчастную троянку
в ссоре безумной, и сына её.
Где в этом бог, закон и радость?
Ты, госпожа, ещё узнаешь
перемену жизни!

Я обоих их, связанных, вижу
возле дома. Я слышу, их к смерти
приговаривают.
Ах, бедняжка! Ах, бедный ребёнок!
Смерть ты примешь за брак материнский,
хоть безвиновен ты,
даже в царских глазах непорочен!

Ан. Вот я с пётлями
на руках окровавленных
отправляюсь под землю!

МОЛОСС

Мама, мама, и я под крылом твоим
в бездну спускаюсь!

Ан. Жертва несчастная, о земли
Фтийской правители! Мол. Отец мой,
приди на помощь близким!

Ан. Будешь лежать ты, сынок любимый,
на груди своей матери,
под землёю, мёртвый на мёртвой!

Мол. Горе мне, горе! Что станет со мною?
Мама, мы оба несчастны!

Мен. Прочь, под землю! От вражеских башен
вы пришли, и двумя голосами
приговорены к смерти. Мой камень
жизнь твою забирает, а сына
Гермиона судила. Безумна
жалость к детям, рождённым врагами,
ведь их гибель
защищает семейство от страха.

Ан. О, муж мой, муж! О, если бы
руку твою и копье
в союзники я получила, сын Приама!

Мол. Бедный я, какую мне песню найти,
чтобы судьбу отворотить?

Ан. Умоляй господина, припади
к его коленам, дитя! Мол. Друг мой,
друг, не убивай меня!

Ан. Льюсь я слезами из глаз,
капаю, как ручей, не озарённый солнцем,
с гладкой скалы, несчастная!

Мол. Ужасно! Какое же за средство
отыщу я от бедствий?

Мен. Что молить? Я утёсом приморским,
безразличной волною внимаю!
Я лишь близким своим помогаю,
а тебя не люблю, потому что
я на Трою истратил большую
часть души, и на мать твою тоже.
Ей спасибо скажи,
что идёшь в подземелье Аида!

Хор Смотрите! Вон Пелей! Как он спешит сюда,
как старческой стопой перебирает быстро!

ПЕЛЕЙ
Эй вы, прислужники! Эй ты, вершитель казни!
Что это? Как же так? Чем дом ваш заболел?
Что вы хотите тут? Казнить без правосудья?
Постой-ка, Менелай! Ведь это произвол!
А ты веди скорей! Здесь дело промедленья
не терпит, кажется. Теперь как никогда
упругость юности хотел бы возвратить я!
Но парус женщины наполню я сначала
попутным ветерком. Скажи, зачем связали
верёвками тебя, за что ведут на смерть
тебя и мальчика? Вы, как овца с ягнёнком,
тут пропадаете, а мы с царём в отлучке!

Ан. Старик, ведут на казнь и сына, и меня.
Ты понял правильно. Что к этому добавить?
Я не одно уже призывное прошение
тебе отправила, но множество посланцев!
Ты разве не слышал? Со мной враждует в доме
дочь мужа этого. Вот я и погибаю.
Меня отторгнули от алтаря Фетиды,
а ты ведь чтишь её, и ею был рождён
твой благородный сын. Меня на суд не звали,
не дожидались тех, кого нет нынче дома,
во зло употребив беспомощность мою
и слабость мальчика, невинного ребёнка,

с несчастной матерью идущего на смерть!
Молю тебя, старик, припав к твоим коленам,
дражайшей бороды коснуться не умея,
спаси меня, старик, богами заклинаю,
не опозорь свой род, меня в беду не ввергни!

Пел. Немедля путы снять, а то вы слёз напьётесь!
И складень рук её немедленно развязать!

Мен. Я запрещаю вам! Ни в чём тебя не ниже,
над этой женщиной я большой господин!

Пел. Как это? Ты в мой дом хозяйничать явился?
Тебе спартанский трон отныне маловат?

Мен. Я эту пленницу привёл сюда из Трои!

Пел. А внук мой женщину в награду получил!

Мен. Но мы не общим ли владеем достояньем?

Пел. Да,
во благо, не во зло, не для резни слепой!

Мен. Ты никогда её из рук моих не вырвешь!

Пел. Сначала жезлом я твой череп размозжу!

Мен. Коснись меня! Давай! Сейчас ты поумнеешь!

Пел. Мужчиной мнишь себя, поганейший злодей?
Да как же можешь ты в числе мужей считаться?
Ведь сам фригийцу ты жену свою вручил,
незапертым, без слуг очаг домашний бросив,
считая, что в дому разумная жена,
а не сквернейшая! Да если б и хотела,
спартанка не смогла б исполниться ума!
К толпе юнцов они из дома выбегают
с нагими бёдрами, одежды распустив,
и делят сообща ристалища, палестры!
Несносно это мне! Чего же ожидать,
раз женщин вы своих прилично не растите?
Елену ты спроси, покинувшую кров
и Дружелюбного для дерзкого разгула,
с юнцом отплывшую в заморскую страну:
не для неё ли ты, со всей Эллады войско
огромное собрав, пошёл на Илион?
Её бы выплюнуть, копьём не шевельнуть бы,
о подлости узнав, и, чтоб сидела там,
ей денег выслать бы, а не везти обратно!
Но вовсе не туда направив мысль свою,
ты много душ сгубил, и доблестных, и славных,
старух без сыновей оставил в городах,
лишил седых отцов достойного потомства.
Я, бедный, в их числе. Убийцею тебя
считаю мерзостным, губителем Ахилла!
Из Трои только ты не раненный пришёл,
доспехи пышные неся в чехле красивом,
не повреждённые, опять к себе домой.
А я ведь говорил, чтоб не мечтал родниться
жених с твоей семьёй, кобылку в дом не вёл

негодной женщины, поскольку дети вторят
бесстыдству матерей. Заметьте, женихи:
брать надо в жёны дочь у матери приличной!
К тому же с братом ты как нагло поступил,
когда велел ему бездумно дочь зарезать!
Супругу верную боялся не вернуть?
Когда же Трою взял (я и об этом вспомню),
жену ты не убил, пленённую тобой.
Увидев грудь её, отбросил меч и начал
предательницу ту, как псицу пёс, лизать,
Киприде уступив, трусливая душонка!
Потом крушить пришёл очаг детей моих,
отбивших в странствие, страдалицу с ребёнком
бесчестно стал казнить, но мальчик и тебя
заставит зарыдать, и дочь твою в том доме,
пусть трижды он рождён вне брака! Часто ведь
плоды сухой земли плодов богатой лучше,
как и внебрачные законных сыновей.
Но дочь ты увези. Иметь полезней смертным
достойных бедняков, чем гнусных богачей
в семье и меж друзей. А ты – пустое место!

Хор

По малым поводам большие ссоры к смертным
приходят с языка. Пусть мыслящие люди
остерегаются вражду иметь с друзьями!

Мен.

Как можно полагать, что старики мудры,
благоразумными считать их между греков?
Зачем же ты, Пелей, сын славного отца,
родня такой семьи, свою же честь мараешь,
да и меня чернишь, за варварку вступаясь
вот эту? Сам бы мне за нильские пороги,
за струи Фасиса велел прогнать её,
отродье Азии, где сыновья Эллады
в таком количестве погибли от копья,
ведь сына твоего пролита кровь и ею!
Ахилл, твой славный сын, Парисом был сражён,
тот Гектору был брат, а эта вот – супруга.
Но с нею ты живёшь под кровлею одной
и за одним столом с ней пищу принимаешь,
позволив ей рожать враждебнейших детей!
Когда же я пекусь о нас обоих, старче,
убить её хочу, ты рвёшь её из рук!
И вот что я скажу, нисколько не смущаясь:
допустим, дочь моя бездетна, а раба
детей произвела. Ты их над краем фтийским
царями сделаешь? Пусть варвары дают
законы эллинам? Выходит, я безумен,
враг справедливости, а ты у нас мудрец?
И это также взвесь: за одного из граждан
ты, скажем, выдал дочь, а с ней так обошлись.
Ты сядешь и смолчишь? Не думаю. И всё же

ты выгодных друзей за варварку честишь?
Мужчина с женщиной неразличимы в горе,
став жертвой чьей-нибудь. И так же стонет муж,
жену беспутную под кровлею имея.
Мужчина всё-таки рукой своей силён,
а женщине оплот – лишь родичи с друзьями.
Несправедлив ли я, содействуя своим?
Ты выжил из ума! Назвав мой ранг военный,
ты больше мне помог, чем если бы смолчал.
Елена от богов невольно пострадала,
и это здорово Элладе помогло.
Не знавшие ни битв, ни как владеть оружием,
мы выросли в бойцов! Совместные дела –
непревзойдённые учителя для смертных.
И если я, представ перед лицом жены,
не умервил её, то был благоразумен.
Вот так Фока бы тебе не убивать!
Всё это я сказал с приязнью, не по злобе.
Серчая, станешь ты лишь бóльшим болтуном,
но прозорливостью обогащён я буду.
Хор Да замолчите же! Ведь это лучший выход!
К чему словесный вздор? В нём гибель вам обоим!
Пел. В Элладе всё-таки ужасные законы!
Когда над недругом трофеи ставит войско,
не тех, кто пролил пот, героями считают,
а полководца их, лишь он стяжает славу.
В шеренге воинской размахивал копьём он,
один среди множества, но получил всех больше!
Такие в городе сидят на креслах важно,
над всеми возносясь, а сами смехотворны.
Народ бы сделался мудрее их намного,
в самом себе возрадив и волю, и отвагу.
А ты и братец твой от гордости раздулись,
на Троию взгромоздясь и властью упиваясь,
добытой подвигом и потом подчинённых!
Я научу тебя идейского Париса
не числить недругом опаснее Пелея,
коль ты немедленно не вылетишь отсюда
с бесплодной дочерью, а то мой внук ухватит
её за волосы и вытащит из дома,
телицу тощую! Она к сторонним детям
питает ненависть, родить же не умеет!
Раз рок ей повелел бездетной оставаться,
так что ж, теперь и нам не заводить потомства?
Прочь, слуги, от неё, чтоб я увидел ясно,
кто станет мне мешать распутывать ей руки!
А ты вставай уже! Хоть пальцы и трясутся,
узлы ремённых пут сумею я ослабить!
Зачем же ты, подлец, так руки ей изранил?
Ты на быке, на льве стянуть пытался петли?

Что схватит меч она и всё тебе припомнит,
боялся? Эй, малец! Вставай ко мне под руку,
развяжем вместе мать! Тебя взращу во Фтии
большим врагом для них! Когда бы вы, спартанцы,
ни доблести копья, ни мужества в сраженьях
не знали, были б вы ничем не лучше прочих.

Хор Как племя стариков и вздорно, и гневливо!
Как трудно охладить их огненную ярость!

Мен. Ты голову сломя бросаешься в раздоры,
но я без умысла, во Фтию прибыв гостем,
и зла не причину, и сам не стану жертвой.
Теперь (ведь я лишён обильного досуга)
поеду-ка домой. Недалеко от Спарты
известный город есть, который был нам другом,
а ныне стал врагом. Хочу пойти походом,
завоевать его и нам подвластным сделать.
Когда я там дела как следует улажу,
вернусь беседовать без церемоний с зятем,
и вразумлять его, и слушать вразумленья.
Вот эту покарал и с нами поступая
разумно в будущем, разумно будет принят.
А станет гневаться, то гнева и добьётся,
и за свои дела такие же получит.
А что до слов твоих, я их легко воспринял.
Подобен тени ты. Имеешь некий голос,
но силы нет в тебе. Лишь говорить и можешь.

Пел. Веди меня, дитя, встав под руку мою,
и ты, несчастная. Была сурова буря,
но в благоветренной ты гавани теперь.

Ан. Старик, да наградят тебя и дом твой боги,
ребёнку жизнь ты спас и мне, многострадальной!
Но только берегись, чтоб на пути пустынном,
в засаде спрятавшись, меня не взяли силой,
ведь знают, что ты стар, а я совсем ослабла,
мой сын же – маленький. Об этом ты подумай,
чтоб, ныне уцелев, мы не попались позже.

Пел. Трусливых женских слов произносить не нужно.
Иди! Кто тронет вас? Умоется слезами!
По милости богов я конными войсками
и пешей армией командую во Фтии.
Я тоже прям ещё, а не дряхлец, не думай!
Взгляну лишь на него, и можно будет ставить
победный памятник, хоть и кажусь я дряблым.
Да, множества юнцов один старик отважный
сильней. Когда ты трус, что толку в крепком теле?

Хор Лучше мне не родиться, если не быть потомком
родителей славных, в очень богатом доме.
От безвыходных бедствий нет недостатка в защите
благороднорождённым.

Тем, о ком трубят, что они из домов именитых,
и честь достаётся, и слава. Деяния знатных
не похищает время, их доблесть
даже в смерти блистает.

Лучше отказаться от победы постыдной,
чем завистью, силой свергать справедливость.
Вначале подобное сладостно смертным,
но со временем чахнет,
и тогда в нареканиях дом утопает.
Вот это хвалю я, вот к этому жизнь направляю –
не обладать властью, престапующей справедливость,
ни в доме моём, ни в городе.

О, старец, потомок Эака,
я верю теперь, что с лапифами против кентавров
бился копьём ты славнейшим,
что на Арго-корабле по влаге, гостям враждебной,
ты проходил Симплегады морские,
славное плаванье совершая,
что прежде, когда знаменитый град Илионский
Зевсов сын опоясал убийством,
то, с ним разделяя славу,
в Европу ты возвратился.

КОРМИЛИЦА

Подруги милые, как всё же за бедою
беда торопится! Ах, что за день ужасный!
Там, в доме, госпожа (о Гермione слово),
отцом покинута, раскаяньем томима
за то, что умертвить хотела Андромаху
и мальчика её, убить себя решила!
Бойтся, как бы муж, взбешён её проступком,
её не выгнал прочь и не предал позору,
а то и не убил за умысел негодный.
Хотела в петлю лезть, её с трудом немалым
сдержали стражники, ещё и меч забрали,
который правою взяла она рукою.
Так мучится она, раскаиваясь горько,
свой заговор кляня. А я уже устала
бедняжку от петли оттаскивать, подруги!
Я умоляю вас: пойдите в дом, не дайте
погибнуть госпоже! Не так друзьям привычным
мы склонны доверять, как людям незнакомым.
Мы правда слышим слуг, кричащих за стеною
про то же самое, что ты пришла поведать.
Бедняжка, видимо, сама теперь покажет
своё раскаянье. Она из дома вышла,
избавившись от слуг, желая смерти скорой!

Хор

- Гер. Ах, горе горькое!
Себе я вырву волосы,
лицо ногтями растерзаю!
- Корм. Дитя, что сделаешь? Себя обезобразишь?
- Гер. Ай-ай! Ай-ай!
Долой с волос моих! Взвивайся в небо,
тонкотканый покров!
- Корм. Дитя, прикрой же грудь! Стяни обратно пояс!
- Гер. Что толку груди тканью покрывать?
Ясны, всеочевидны, неприкрыты
проступки против мужа!
- Корм. Легко ль в соперницу вонзать иголку смерти!
- Гер. О дерзости своей губительной стенаю,
свершённой мною, проклятой,
да, проклятой в глазах людей!
- Корм. Супруг тебя простит за то, что ты ошиблась!
- Гер. Зачем ты вырвала меч из рук моих?
Верни его, друг мой, верни, чтоб я пронзила себя!
Зачем ты удавку отняла у меня?
- Корм. А что прикажешь мне: смотреть на смерть безумной?
- Гер. Что за горькая участь!
Где ты, милое пламя костра?
Как подняться на скалы
возле моря, возле горного леса,
как погибнуть и стать заботой богов подземных?
- Корм. Зачем так мучиться? Мы все хлебнём несчастий,
богами посланных, кто раньше, а кто позже.
- Гер. Отец, ты бросил, бросил меня на песке,
одну-одинёшеньку, без весла, погружённого в море!
Убьёт меня, точно убьёт меня муж мой!
Уже не пожить мне
под этой брачною кровлей!
К изваянию какого бога метнуться с мольбами?
Обнять ли рабыней колени рабыни?
Из фтийского края
птицей бы вырваться иссиня-чёрной
или судном сосновым,
прошедшим вдоль тёмно-синего взморья

на впервые намокших вёслах!

Корм. Твою несдержанность, дитя, я не хвалила,
когда с троянкой ты жестоко обращалась,
и ныне не хвалю испуг твой непомерный.
Конечно, брак с тобой супруг твой не расторгнет
из-за ничтожных слов какой-то чужеземки.
Не пленницей тебя из Трои он доставил.
Дочь знатного отца, с огромным ты приданым
пришла из города не среднего значенья.
Насчёт родителя совсем, дитя, не бойся:
не бросит он тебя, не даст прогнать из дома.
Теперь иди вовнутрь, не надо здесь, у двери,
показываться всем, чтоб не было позора,
не то тебя, дитя, на улице увидят.

Хор А вон уже идёт какой-то чужестранец
и к дому вашему стремительно подходит!

ОРЕСТ

Иноплеменницы, скажите: сын Ахиллов –
хозяин этих стен и царского дворца?

Хор Всё так. А ты-то кто, что спрашиваешь это?

Ор. Я Агамемнона и Клитемнестры сын,
по имени Орест. Иду же я в Додону,
где прорицает Зевс. Поскольку я теперь
во Фтии, то хочу о родственнице близкой,
спартанке, разузнать, хорошая ли жизнь
у Гермiony здесь. Хотя её равнины
от наших далеки, она мне дорогá.

Гер. О, пристань морякам, побитым лютой бурей,
сын Агамемнона, я у колен твоих
молю о милости! Взгляни, какое горе
со мной произошло! Нет, не слабей гирлянд
вокруг твоих колен я обвиваю руки!

Ор. Как!
Что это? Прихоть глаз? Неужто вот она –
хозяйка этих мест и дочь Менелая?

Гер. У Тиндаридовой Елены и отца
одна я родилась. Ты вовсе не ошибся.

Ор. О, Феб, целитель наш! Уйми лавину бед!
В чём дело? От богов, от смертных ты страдаешь?

Гер. Отчасти от себя. И муж мой виноват,
и кто-то из богов. Повсюду мне погибель!

Ор. У молодой жены, пока что без детей,
какое бедствие не связано с постелью?

Гер. Да, так оно и есть. Ты ловко вёл меня.

Ор. Другое твой супруг предпочитает ложе?

Гер. Супруги Гектора, недавно взятой в плен.

Ор. Ах, как нехорошо! Один в две спальни ходит!

Гер. Такие вот дела. За то и мстила я.

Ор. Сплела ты заговор, как женщине пристало?
Гер. Затеяв смерть и ей, и выродку её!
Ор. И ты убила их, иль помешало что-то?
Гер. Старик Пелей пришёл, бесправных пожалев.
Ор. А кто-нибудь с тобой в убийстве был замешан?
Гер. Отец для этого из Спарты приезжал.
Ор. И старческой руки не смог он пересилить?
Гер. Скорей, почтения. И бросил тут меня.
Ор. Понятно. И теперь боишься ты супруга.
Гер. Боюсь! Что тут сказать? Убьёт – и будет прав!
Но я прошу тебя, молю семейным Зевсом:
отсюда ты меня подальше увези,
хотя бы в дом отца! Мне мнится, эти стены
заговорили вдруг и гонят прочь меня.
Все фтийцы мне враги. Вдруг муж вернётся раньше
из храма Фебова? Ведь смерти он предаст
меня позорнейшей, а то и чужеземка,
вчерашня раба, мне станет госпожой!
Ор. Но это зло твоё, как ты его свершила?
Гер. Словами женщин я погублена дурных,
которые мой ум гордыней разрыхляли:
«Как долго пленнице, ничтожнейшей рабе,
ты будешь позволять в постель твою ложиться?
Клянусь владычицей, в моём дому она
не видела бы свет, моим упившись мужем!»
А я, наслушавшись немолчных тех Сирен,
коварных, опытных, лукавых, говорливых,
раздулась глупостью. Что за нужда была
мне мужа сторожить? Чего мне не хватало?
Была богатою, и в доме госпожой,
законных бы детей супругу нарожала,
а та плодила бы им слуг-полурабов.
Ни в коем случае (опять я повторяю)
мужчина с разумом, имеющий жену,
не должен допускать в супружеские стены
подружек всяческих, наставниц в деле зла.
Одна из выгоды семью твою увечит,
другая, согрешив, не хочет быть одной,
а многих похоть жжёт. От этого приходит
в дома мужей болезнь. Заприте же ваш дом,
засовы и замки повесьте на ворота!
Здоровья для семьи приём таких гостей
никак не принесёт, а зла доставит много.
Хор Ты слишком языком род женщин исхлестала,
что извинительно, хотя свои пороки
пристало женщинам закрашивать словами.
Ор. Да, прав был тот, кто смертных научил
к словам противников прислушиваться чутко.
Узнав о хаосе, внесённом в эти стены
женою Гектора, враждующей с тобой,

я ждал, что́ ты решишь: останешься ли в доме,
покинешь ли его, боясь посягновенья
служанки собственной, добытой на войне.
И прибыл я сюда не по твоим призывам,
но чтобы встретиться, и, если ты позволишь,
с тобой уехать прочь. Ведь ты была моей!
Тебе навязан брак порочностью отцовой.
Перед вторжением в троянские пределы
сначала мне тебя он в жёны обещал,
потом же этому, как только Трою стубит.
Когда Ахиллов сын вернулся в эти земли,
отец твой был прощён, того же я молил
расторгнуть брак с тобой. О прошлом я поведал,
о нынешней беде, что взять мне в жёны можно
одну из родственниц, других же нелегко,
поскольку я свой дом изгнанником покинул.
А этот, обнаглев, кричал, что мать убил я
и что на мне лежит кровавый взор богинь.
Итак, под тяжестью домашних злоключений
я всё страдал, страдал и, горестью задавлен,
отправился назад, неволей, без тебя!
Но ныне жизнь твоя внезапно изменилась,
ты здесь беспомощна и ввергнута в несчастье.
Поедем-ка домой. Тебя верну отцу.

Гер.

Могущественна кровь, и в средоточьи бедствий
нет ничего сильнее нам родственного друга.
Вопрос с замужеством отец мой сам решит
и всё уладит здесь. Не мне об этом печься.

Ор.

Из дома этого вези меня скорее,
пока не прибыл муж и не схватил меня,
пока старик Пелей, узнав, что я сбежала,
в погоню конную не бросился за мною!
Не бойся старика. Да и Ахиллов сын
тебя пусть не страшит. Как он меня обидел!
Но сеть расставлена, и сплетена искусно,
и, недвижимая, ему готовит смерть
от этой вот руки! О прочем умолчу я,
но дело сделанным утёсы Дельф увидят!
Убийца матери, ему я покажу,
коль поклялись не зря мои друзья-пифийцы,
что брат не стоило мою невесту в жёны!
Напьётся горьких слёз, у Феба за отца
возмездья требуя! Ему не откупиться
раскаяньем теперь, но бог ему заплатит!
По милости его, от грозных слов моих
умрёт в бесчестии, вражды моей отдавав.
Судьбу врагов своих умеет бог разладить,
не позволяя им кичиться надо мной!

Хор О, Феб, обнёсший холм в Илионе стенами крепкими,
и ты, царь морской, с колесницы хлещущий
иссиня-чёрных коней!
Вы зачем же лишили чести
то, что вы создали сами,
богу копья, Эниалию, выдав
бедную, бедную,
брошенную Трою?

Как много колесниц запрягли вы конями дивными,
сколь многих бойцов без венков оставили
у Симоонта, в крови!
Илионских царей не стало,
все они поумирали,
боги уж не почитаются в Трое
жертвенным пламенем,
благовонным дымом!

Погиб Атрид от хитрых ладоней жены,
в обмен принявшей смерть от своих же детей
за убийство это.
Так божье, божье веленье вещее
исполнилось на ней, когда, покинув Аргос,
Агамемнона сын в священные стены вошёл,
погубитель матери!
Бог мой! О, Феб! Как поверить всему?

И толпы жён в собраниях греков зашлись
плачем по бедным детям, а вдовы, свой кров
бросив, удалились
к другим супругам. Не на тебя одну,
не на один твой род обрушились несчастья.
Вся Эллада больна, больна! По фригийским полям,
плодородным, тоже смерч
прошёл, аидовой кровью кропя!

Пел. Вы, жёны фтийские, ответьте на вопрос:
недавно слышал я, хоть и не очень внятно,
что Менелая дочь покинула свой дом,
что нет её в стране, и я пришёл проверить,
насколько верен слух, ведь о судьбе родных
заботится семья, когда они в отъезде.

Хор Пелей, всё правильно. Мне было бы грешно
умалчивать о зле, когда была я рядом:
царица-то и впрямь сбежала из дворца.

Пел. Но чем напугана? Рассказывать закончи!

Хор Боясь, как бы супруг не выгнал прочь её.

Пел. За то, что мальчику погибель замышляла?

Хор Всё так. И пленнице насильственную смерть.

Пел. С отцом она ушла? С другим ли провожатым?

Хор Сын Агамемнона увёл её от нас.
Пел. С надеждою на что? Стремясь на ней жениться?
Хор И внуку твоему приготавливая смерть.
Пел. В засаде затаясь? В сражении открытом?
Хор В храм чистый Локсия с дельфийцами придя.
Пел. Бог мой! Какой кошмар! Пусть кто-нибудь скорее
к пифийскому бежит святилищу, и там
расскажет обо всём нам дружественным людям,
пока Ахиллов сын от вражьих рук не пал!

ВЕСТНИК

Вот ужас-то!
Эх, что за новости я ныне, горемычный,
несу тебе, старик, и близким господина!
Пел. Ай-ай! Мой вещий дух беду предвосхищает!
Вест. Нет внука твоего! Узнай об этом, старый
Пелей! Его совсем изранили мечами
дельфийцы некие, а также гость микенский!
Хор А! А! Да что с тобой? Ты что, старик? Не падай!
Давай держись! Пел. Ну, всё! Пропал я совершенно!
Отнялся голос мой, и руки опустились!
Вест. Послушай мой рассказ, коль ты и впрямь желаешь
за близких отомстить. Встань прямо, будь смелее!
Пел. Судьба! Как под конец моих годов преклонных
меня, злосчастного, ты смертью окружила!
Как сын единственный единственного сына
погиб? Рассказывай! Скорблю, но жажду слышать!
Вест. Когда мы прибыли в дом Феба знаменитый,
три солнечных мы провели круговорота
осматривая всё, глаза свои питая.
Вот это вызвало к нам подозренье. В толпы,
в круги сходился люд, соседствующий с богом.
Сын Агамемнона, по городу гуляя,
всем на ухо шептал злокозненные речи:
«Вы видите его, как он обходит божьи
запасы золота, сокровищницы смертных,
приехав снова к вам, желая, как и прежде,
разграбить Фебов храм и вас лишить богатства?»
Поднялся в городе ожесточённый ропот,
властями полнится народное собранье,
и волей собственной хранители сокровищ
приводят стражников под колоннады зданий.
А мы, купив овец, возвращённых на обильной
листве парнасских рощ, в неведении полном
у храма собрались и, жертвенник увидев,
к проксёнам подошли и вещунам пифийским.
Один из них сказал: «О юноша, что скажем
в молитве божеству? Какого блага просишь?»
А тот: «Пред Фебом я за промах свой недавний
покаяться хочу. Я требовал от бога

за смерть родителя со мною расплатиться.»
Тут стало ясно нам, что рассказы Ореста,
мол, господин мой лжёт и затевает злое,
перепугали всех. Он всходит под колонны
святого здания, чтоб Фебу помолиться
перед самым алтарём, где полыхало пламя.
А там с оружием в тени ветвей лавровых
скрывались воины, и Клитемнестрин отпрыск
был этому всему единственный зачинщик.
Открыто господин молиться начал богу,
злодеи же тайком, с преострыми мечами,
на бездоспешного напали Ахиллида!
Назад он отступил, не раненный смертельно,
и, меч свой выхватив, с колонны возле входа
сорвал висевшие на кольшке доспехи.
У алтаря он встал, боец, внушавший трепет,
и оглушительно сынам дельфийским крикнул:
«Зачем вам убивать пришедшего тропею
благочестивою? За что я погибаю?»
Но ни один из них, толпой стоявших рядом,
ни звука не издал. Взялись потом за камни.
Он, плотным градом их со всех сторон теснимый,
меч выставил вперёд, удары отражая,
щитом то здесь, то там умело прикрываясь.
Бесплодный ворох стрел, и легковесных копий,
ремнями пущенных, и дротиков двуострых,
быков не тронувших, у ног его скопился.
Ты внука видел бы, как он искал спасенья
в пиррйхе адовой! Когда же окружили
его со всех сторон, вздохнуть не позволяя,
покинул он алтарь, где жертвовались овцы,
на землю соскочив своим прыжком троянским,
и стал крушить врагов. Они же, как голубки
при виде ястреба, рассеялись мгновенно.
Тут многие от ран упали общей грудой,
давя самих себя в проходе слишком узком.
Крик жуткий, неблагод в благом раздался месте,
удвоен эхом скал, и некое мгновенье
спокойно царь стоял, доспехами блистая.
Но из святилища ужасный грянул голос,
нам жилы леденя, и воины воспряли,
опять кидаясь в бой. Тогда вот сын Ахилла
и рухнул, под ребро мечом ударен острым.
Лишился жизни он от рук мужей дельфийских,
но многих и убил. Упавшего на землю
кто только не разил железом или камнем,
кто только не кромсал! Прекраснейшее тело
всё изувечено зияньем ран жестоких!
Герой поверженный, у алтаря лежавший,
был брошен за порог чертогов благовонных.

А мы немедленно подняли господина
и привезли к тебе, чтоб ты его оплакал
и обрядил, старик, и положил в гробницу.
Так бога, для других вещающего правду,
судящего людей по мере справедливой,
познал наш Ахиллид, придя просить прощенья.
Припомнил бог ему, как человек негодный,
давнишнюю вражду. Какая ж это мудрость?

Хор Наш хозяин уже на носилках
из дельфийской земли прибывает.
Он злосчастен, мертвец, и злосчастен
ты, старик! Сын Ахилла вернулся,
но иначе – не как ожидал ты,
да и сам ты
ввергся в горькую долю злодеев!

Пел. Горе мне! Зло-то какое мне видится,
в руки беру его, в дом свой несу его.
Горе мне, горе! Ай-ай!
Град фессалийский, совсем уничтожен я!
Кончен! Безроден! Детей не осталось мне
в собственном доме!
Что за мученья такие! Какого же
друга позвать мне для слов утешения?
Губы, и щёки, и руки любимые!
Что ж ты не пал под стеной илионской,
на берегах Симоэнта?

Хор В том случае, старик, его бы почитали,
героя мёртвого, и был бы ты счастливей.

Брачные узы, вы дом погубили мой,
город вы этот смели, уничтожили!
Ай-ай! Э! Э! Ах, сынок!
Если б женитьбой твоей злополучною
род мой, на благо потомства и родины,
не отягчился!
Брак с Гермионой, сынок, свёл в Аид тебя!
Лучше б ей раньше погибнуть от молнии!
Если бы кровью отца богородною,
луком пролитою, Феба не вздумал ты,
укорять, смертный – бога!

Хор От-то-то-то-то-той! Оплачу господина
достойным плачем погребальным!

Пел. От-то-то-то-то-той! Тебе я вторить буду,
старик и дряхлый, и несчастный!

Хор Судьбою правит бог, и бог содеял горе.

Пел. Милый мой, дом опустошил ты!

Горе мне, как мучаюсь я!
Бездетным бросил старика!
Хор Смерть, смерть нужна, старик, пока потомки живы!
Пел. Волосы не вырвать ли,
не ударить ли себя
ударом гибельным по голове? О, город!
Лишил меня Феб детей обоих!

Хор Как ты страдал, старик, и сколько видел горя!
И как ты будешь жить отныне?
Пел. Бездетен, одинок, в несчастьях безграничных
я протрадаю до Аида!
Хор Тебе счастливый брак напрасно дали боги!
Пел. Сгнуло всё, выше взлетело,
чем стая самохвальных слов!
Хор Остался ты один, в жилище одиноком!
Пел. Город, город, нет тебя!
Скипетр, прочь! Пади во прах!
А ты ещё меня увидишь, дочь Нерея,
в пещере ночной погибшим, павшим!

Хор Смотри! Смотри!
Что там движется, кто появляется,
что за бог? Посмотрите же, девушки!
Божество в лучезарном эфире
приближается к фтийским равнинам,
где привольно пастись лошадям!

ФЕТИДА

Пелей, Фетида здесь. Решив наш давний брак уважить, я пришла, покинув дом Нереев.
Начну же я с того, что попрошу тебя
чрезмерно не страдать от нынешних несчастий.
Не нужно бы и мне о детях горевать,
ведь я божественна и рождена от бога,
но умер всё-таки наш быстроногий сын,
Ахилл, родившийся, чтоб стать вождём Эллады.
Послушай же теперь, зачем явилась я.
Ты сына отвези, рождённого Ахиллу,
и рядом погребви с пифийским алтарём,
дельфийцам на позор. Пусть гроб его вешает
о крови, пролитой Орестовой рукой.
А эта пленница (об Андромахе слово)
в молосские края отправится, старик,
она с Геленом там сойдётся в мирном браке,
и сын поедет с ней, последний Эакид,
оставшийся в живых. Ему дано судьбою
непрерываемый, счастливый род царей
в Молоссии создать, ведь небо не допустит,
чтоб дом разрушился и твой, и мой, старик,

и Троя кончилась. О ней радеют боги,
хоть и поверженной Палладиным копьём.
Тебя же, чтоб ты знал, как счастлив брак со мною,
от бед избавлю я, казнящих смертный род,
и богом сделаю, бессмертным и нетленным.
В дому Нереевом отныне жить со мной
ты будешь, сущий бог, женатый на богине.
Оттуда, выходя сухой ступнёй из волн,
ты сына нашего, милейшего Ахилла,
увидишь, в островном живущего дворце,
среди нерадушных вод, на побережьи Левки.
Но в богозданный град, к дельфийцам поезжай,
взяв тело мёртвое, и после погребенья
в пустой пещере сядь, где Сепиадский мыс
издревле высится. Там жди, а я из моря,
сопровождаема полсотней Нереид,
приду тебя забрать. Предписанное свыше
ты должен выполнить, ведь так велел сам Зевс.
Теперь заканчивай крушиться об умерших!
Всё человечество решению богов
должно покорствоваться, и все подвластны смерти.

Пел. О, госпожа! О, благородная жена!
Дитя Нереево, привет тебе! Достойны
дела твои тебя и всех детей твоих!
Скорбеть я прекращу, как ты велишь, богиня,
и, внука схоронив, пойду под Пелион,
в чьих долах я сжимал прекраснейшее тело!
Разумный человек не ищет ли жену,
не выдаёт ли дочь в семействе благородном?
К негодной женщине он чувствует ли страсть,
идущей в дом его с роскошнейшим приданым?
Таким вовек не знать несчастий от богов.

Хор Много форм у божественной силы,
много странного делают боги.
Ожидаемое не свершилось,
а нежданное бог исполняет.
Вот на этом и кончилось дело.

Брисбен–Москва, 10.10.2013 – март 2014